

Что за зверь такой?

Маленький Андрейка сидел верхом на деревянной лошадке и изображал из себя настоящего наездника. Когда-то у лошадки внизу, на доске на которой стояли её ножки, имелись маленькие колеса, и лошадку можно было катать по дому, но деревянные колесики давно разломались, отвалились, и любимая игрушка стала менее подвижной. Когда в дом зимними вечерами собирались женщины, считай со всей деревни, на «беседки», Андрюшке не разрешалось играть в шумные игры – поэтому он, как правило, возился со своей лошадкой. Эта большая деревянная игрушка была гордостью Андрейки и предметом завести других мальчишек.

Отец принес лошадку в дом, когда Андрейка был совсем маленьким, но благодаря ей, он очень быстро научился ходить – сначала просто вставал, чтобы держаться за свою лошадку, а потом начал ее толкать, она двигалась и Андрейке приходилось топтать за ней, продолжая держаться за деревянного друга.

Дом, где жил Андрейка с родителями был просторным, а его хозяева гостеприимными, поэтому часто вечерами деревенские бабы приходили к ним, рассаживались по лавкам, каждая со своей прялкой, отец зажигал еще одну керасиновую лампу, подвешивал ее к потолку, затем одевал теплый, но короткий бушлат, в котором пришел с войны, фирменную шапку-кубанку с какардой и уходил к дяде Матвею, где собиралась мужская половина деревни.

Мужики играли в карты, курили, рассказывали байки, а иногда даже скидывались «по рублику». Но скидывались на пару-тройку бутылочек крайне редко, время было тяжелое – конец 50-ых годов прошлого века, и карманных денег тогда не водилось даже у справных мужиков.

Иногда в деревню «привозили кино» и тогда в большой избе дяди Матвея собиралась почти вся деревня, за исключением старух и слишком набожных баб. Но это бывало крайне редко, и в долгие зимние вечера у мужиков и женщин были разные интересы и отдельные компании.

Но был в деревне человек, который не жаловал вниманием мужское общение и не приходил в задымленную от сигарок избу Матвея. Звали его Фрол. Он был вдовец, воспитывал двоих детей: мальчика и девочку, которые часто оставались у бабушки, в соседней деревни, куда ходили в начальную школу.

Фрол не был похож на деревенского мужика. Он закончил 8-мь классов, с положительной стороны зарекомендовал себя в армии, умело используя данный от природы командирский голос, учился на офицерских курсах, немного служил в чине младшего лейтенанта, но по какой-то причине был демобилизован и вернулся в деревню, но работать в колхозе не стал, а устроился заведующим складом в райпо. Часто ездил в районный центр, где

кино показывали чуть не каждый день, а вдоль центральных улиц были проложены деревянные тратуары.

У Фрола была репутация бабника – он несколько раз после смерти жены приводил в дом женщин, чтобы у детей была мать, а у него жена, но все они задерживались ненадолго.

Дом Фрола, который находился в самом начале деревни, внутри был больше похож на городскую квартиру, чем на деревенскую избу. Работа на складе позволяла Фролу привезти хорошую мебель, покрасить полы не только в комнате, но и в сенях, детей прилично одеть и иметь запасы продуктов.

И хотя Фрол был несколько полноватым и не отличался какими-либо внешними особенностями, романов у него по деревенским меркам было предостаточно или как говорили в округе - через край.

Летом Фрол привез из города очередную претендентку на звание хозяйки. Эта была молодая красивая женщина с белокурыми волосами и странным для всех деревенских именем - Милена. Она не носила привычные для деревенских баб сарафаны, а ходила в платьях, туфлях и шляпке. Чай пила не из стаканов в подстаканниках, как было принято по местным обычаям, а из красивых расписных фарфоровых чашек с блюдцами. Она долго не могла научиться затапливать русскую печь и готовить в ней.

В колхозе она не работала – неслыханное дело, но по дому и хозяйством вскоре научилась управляться. Правда деревенские бабы заходили к ней очень редко, хотя Милена была всегда вежлива и приветлива, но заставляла всех, кто входил к ним в дом снимать обувь. Это не было принято в деревне, а потому вскоре, удовлетворив свое любопытство, её все оставили в покое и даже председатель колхоза и деревенский бригадир не требовали от Милены выходить на колхозную работу.

Андрейка иногда забегал во двор дяди Фрола и, если тетя Милена видела его, то разговаривала с ним и угощала конфетами, а пару раз он даже пил у нее чай.

Через полгода безоблачной жизни деревенского «Дон-Жуана» и городской барышни все вернулось на свои места. Фрол снова начал ходить налево. То ли переизбыток мужской силы, переданной ему по наследству, то ли постоянный поиск новых ощущений, но, одним словом, у Фрола появилась новая пассия в лице разведенки Любки. Конечно, в сельсовете при рождении её записали как Любовь, но никто ее так не называл, а звали все проще – Любка. Это была бойкая, даже по деревенским меркам, молодуха с черными волосами и каким-то убаюкивающим голосом.

Разводы в те времена были очень редки в деревне, но, тем не менее молодой муж Степан оставил Любку вместе с маленькой дочуркой, сказал, что больше не вернется и уехал на север. Любка жила с бабушкой Зиной, которая делала всю домашнюю работу и водилась с ребенком, пока Любка была на работе.

В нечастых общениях с деревенскими бабами Милена получила достаточно сведений о том, что Любка по делу и без дела частенько бывает в

центральной усадьбе на райповском складе и что неожиданно у нее появились новые обновки: цигейка, телогрейка и сапожки. Сапожки правда были не зимние и конечно Любка зимой их не носила, но от баб деревенских скрыть ничего нельзя, а тем более женский гардероб. На все вопросы и расспросы Милены Фрол или грубовато отшучивался или же просто не отвечал на «бабскую пустую болтовню». Но Милена не смирилась, несмотря на советы некоторых женщин, «не ищись, хуже будет, горбатого могила исправит, кобель он и есть кобель».

Накануне задуманного она сказала, что едет к маме в город на два дня и что пусть это время дети как всегда побудут у бабушки. Фрол хмыкнул, но не возражал. Когда Милена шла по деревне, направляясь к автобусной остановке, Андрейка с санками стоял возле своего дома, собираясь идти на крутой берег реки, укатанный санками и лыжами.

«Тетья Миля, а ты куда пошла?» – спросил Андрейка (в то время в деревнях дети всех называли на «ты»). - «Скоро вернешься?» Милена улыбнулась: «Скоро, Андрейка, совсем скоро».

Немного погодя сосед, вернувшийся из магазина, который был рядом с автобусной остановкой, сказал Фролу, что видел, как Милена садилась в автобус.

Вечером накатавшийся вдоволь на санках и хорошо покушавший Андрейка возился со своей лошадкой – игрушкой около печки-голланки. Зная, что вечером у них соберутся бабы, мама Андрейки загодя затопила печку, которая источала уютное тепло, а чугунная плита ее была раскалена докрасна.

Бабы пряли, сидя по лавкам, и беспрестанно кто-либо из них что-то говорил. Хотя в избе было тепло, по деревенской привычке они сидели в валенках, а на плечах у них были наброшены полушалки и платки. Они обсуждали, шутили, ругали, смеялись. Иногда обращали внимание на Андрейку: как подросток, когда в школу, что больше любит кобылку свою деревянную или санки. На этот вопрос Андрейка серьезно ответил: «Лыжи».

- Лыжи? Так ведь у тебя их нет»

- Будут, - сказал Андрейка, - Папа сделает.

- Твой батько сделает. Руки золотые, не то, что у некоторых: только что-нибудь заграбастать или баб чужих лапать.

- Ой, не говори, Санька, - вторила ей тотчас поддерживавшая злободневную тему одна из женщин.

- Ведь Миля то уехала в город, а детей отослала к бабке. Не дай бог, Любка к Фролу убежит. Как бы греха не вышло.

- Да уж, не повезло Миле. И зачем за него пошла? А ведь хоть и не знает деревенской работы, городская совсем, но справная, культурная, детей обихаживает. Вот ты, Вера, спорила, что успокоиться Фрол при Милене, а я говорила нет. Что теперь скажешь?

- Так почему Милена то Любке волосы не повыдергивает? Вот мне доведись: пришла бы на дом к Любке и отлупила бы, что есть мочи.

- Так Мила ведь худенькая и скандалить не умеет. Она, поди, и слов то ругательных не знает вовсе.

- Да, ведь никогда, бабы, не слыхивали мы, чтоб она ругалась. Видно не умеет.

- Ой! И не говори. Не бойкая она. Разве можно такого мужика одного оставить? Может Любка уже у него в койке.

- Не причем здесь Милена, надо с Фролом разбираться. Мой как-то во хмелю проговорился, что мужики еще летом его хотели проучить. Как бы только не покалечили.

- Хватит вам языки то чесать. Давайте лучше поставим самовар. Пить захотелось.

Мама Андрейки пошла ставить самовар, а Андрейка стал думать: почему бабы ругают Фрола и почему его могут побить.

Вдруг за окном раздался истошный крик: «Бабы, сука бежит, сука бежит!» Голос этот Андрейка сразу узнал. Это громко кричала тетя Милена. Но ведь она уехала в город еще днем.

Все женщины вскочили со своих мест и, оставив свои прялки, выбежали на улицу. Андрейка тоже поторопился слезть со своего «коня», но из-за спешки и суеты, которая царила в избе, потерял равновесие и, падая, одной рукой коснулся раскаленной плиты на печке. Жгучая боль пронзила пальцы Андрейки, он заплакал, но продолжал думать совсем о другом: что за зверь такой – сука. Он знал зайца, лисицу, волка, но о таком звере как сука он ранее не слышал. Надо было еще надеть валенки, а они находились на печи. В общем, когда Андрейка выбежал на улицу, там толпились женщины и там же стояла взволнованная и запыхавшаяся тетя Милена с коромыслом в руках. Бабы внимательно рассматривали следы на дороге. При свете полной, словно улыбающейся луны, зависшей над заснеженными крышами, на покрытой легким снежком дороге отчетливо были видны отпечатки следов человеческих босых ног. Андрюшка ожидал увидеть следы невиданного, незнакомого ему зверя, а вместо этого понял, что кто-то босиком пробежал от начала деревни мимо их дома дальше по сельской улице. Летом ребятишки почти всегда бегали босиком и уж отпечатки ног Андрейка постоянно видел на песке у реки, на дороге рядом с лужами после дождя, в огороде на вспаханной земле. Но зимой никто босиком не ходит. Только никому до Андрейки и его вопросов дела не было. Женщины продолжали рассматривать следы, крестясь и качая головами, а тетя Милена рассказывала: «Ворота в ограду, конечно, были закрыты изнутри, но я через сарай - на повить, затем в сени и в комнату. Там их и застукала. В сенях коромысло прихватила и давай лупить суку эту, проститутку местную. Она - бежать, не обуться, не одеться не успела, я за ней, но догнать не могла. Быстро сука бегаёт. Думала вы поймаёте, кричала вам».

Бабы переглянулись, затем заулыбались, а потом захохотали. Милена растерянно смотрела на взхлеб смеющихся женщин, на глазах у нее навернулись слезы, и она заплакала. Мама Андрейки, тетя Саня и несколько других баб подошли к ней и стали объяснять: «Мы ведь, Мила, думали, ты

никаких ругательных слов не знаешь, а ты вон как можешь». Милена улыбнулась и тоже начала смеяться сквозь слезы. И только маленький Андрейка никак не мог понять и соединить в единое целое всю эту картину: у него болели пальцы на руке, но любопытство было сильнее: на зимней улице без верхней одежды, но в платках и валенках стояли бабы и громко хохотали, а среди них в городском пальто и шапочке, с коромыслом в руках стояла тетя Милена, которая смеялась и плакала одновременно.

Чуть погодя все зашли в теплую избу и только теперь Андрейка смог обратить на себя внимание мамы. Все заахали, увидев припухшие и покрасневшие пальчики мальчика, и давали разные советы: чем их мазать, чтобы быстрее зажили.

- Ты зачем за нами побежал на улицу? Да еще и раздетый.

- Я думал, сука – это зверь такой, и хотел увидеть.

И снова хохот заполнил избу. Теперь уже и тетя Милена смеялась без всяких слез.

Потом бабы пили чай из самовара и успокаивали как могли тетю Милену. Андрейке, как пострадавшему при таких чрезвычайных обстоятельствах, была выдана пара конфет и пряник. Затем соседки, которые жили рядом с домом Фрола, пошли провожать Милену домой, остальные бабы тоже разошлись.

Рано утром, проснувшись, Андрейка оделся и вышел на улицу, еще раз посмотреть следы на снегу, но ничего не обнаружил, кроме двух параллельных линий – следов от полозьев, это мужики рано утром поехали на санях за сеном на дальние луга.

Весь следующий день деревня обсуждала как Миля, уехав в город, сразу же вернулась на попутке в деревню и застала Фрола с Любкой, как с коромыслом бежала вдоль деревни за паскудницей, которая была в одном исподнем, и как ночью бабушка Зина веником заметала следы ног, оставленные на снегу непутевой Любашей.

Через год, Милена все таки ушла от Фрола и уехала к матери. Сам Фрол тоже вскоре продал дом и переехал в город, где, кстати, не оставлял попыток найти спутницу жизни. Любка закадрила приехавшего в гости в соседнюю деревню городского мужчину и, забрав дочку, уехала с новым избранником в большой северный город. Андрейка вырос, стал солидным мужчиной, но иногда ставит в тупик окружающих: если где-то он случайно услышит хрестоматийное ныне слово сука, то неожиданно для всех может откровенно улыбнуться и тихо проговорить: «И что за зверь такой?»

Йошкар-Ола
17.02.2016 г.